

БАТАЛОВ

МЕЖДУ ГУРОВЫМ И ГОШЕЙ

«Я никогда не сомневался — ни в том, что буду актером, ни в том, что буду работать во МХАТе», — говорит Алексей Баталов

Геннадий Сухин

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, вот типичное письмо зрительницы: «Мой самый любимый актер — Алексей Баталов. Думаю, вы знаете, что в него влюблены все советские женщины! А они самые верные, потому что с той силой продолжают любить его и сегодня. Дорогой Алексей Владимирович! Я много хотела Вам сказать еще тогда, когда впервые увидела Вас в фильме «Дело Румянцева», но сейчас хочу лишь пожелать Вам крепкого здоровья и сказать, что хочу Вас чаще видеть на экране: лучше Вас нет актера, Вы — самый замечательный, умнейший, интеллигентный и всегда таким останетесь. Спасибо Вам за все!»

— Однажды мне сказали, что в каком-то опросе я попал в число живых, действующих кумиров экрана: это было для меня большим счастьем. И одним из самых симпатичных событий всей актерской судьбы — как они помнят! Я-то говорю же сказать, что «все», а они, оказывается, помнят! Хотя много и таких, которые говорят: мы вас не знаем... Но когда я на вручении мне премии «Созвездия» «За выдающийся вклад в профессию» увидел, что сидишь в зале актеры и режиссеры — там не было случайных людей! — так ко мне относится, это было огромной радостью.

Не верьте актеру, когда он говорит, что устал от поклонниц, писем и популярности — он кричит лжи: актер не может жить без публики, и когда она отворачивается от него, он перестает существовать. Артист, не собирающий зрителей, — не артист: в этом-то и состоит мерзость нашей профессии... В жизни человека честь признается неосознанным благом, а слава — особенно для актера! — самым драгоценным, чего он может достичь...

К сожалению, все быстро проходит, забывается: ведь судьба актера порой складывается из небольших и нечастых озарений, а кумирами становятся вообще совсем ненадолго: вот сегодня удалось, сегодня это увидели и это заблестало! А что будет завтра — Бог знает... Пока я снимался, у меня тоже все было очень мило: приходили поклонницы, цветы дарили...

(Отступление, скомпонованное из разных высказываний Баталова, «сына века», как он однажды объявил себя: «Если есть во Вселенной существо, которое я хотел бы убить изощренно, многократно, с особым цинизмом, то это советский положительный герой — такой угрюмый, хмурый мальчик с плоским, чисто функциональным характером... Я расквасил бы ему нос, я оторвал бы ему уши (крепкие маленькие уши положительного героя, принципиального борца, рабочей косточки...), я сломал бы ему рабочую косточку, я отпаял бы его за непокорные, ершистые, вихрастые вихри!... Впрочем, он подчеркивает, что говорит «не о вершинах, вроде фильмов Тарковского, Шпалникова, Хуцьева, Полки, Муратовой итд.», а «о массовом советском кино 60-х годов».)

— Алексей Владимирович, а если попытаться героев ваших спроецировать на день сегодняшний...

— Классику тоже берем? Ну, тогда Гуров из «Дамы с собачкой»: он доводиледец и ему-то как раз нынче хорошо должно быть... Современники... Саша Румянцев постарел, конечно... И остался без работы; сейчас ведь молодых везде берут. Ну, может, он машины пошел ремонтировать — причем не в большой мастерской, а так, по двору своему: масло меняет, скажем... На пенсию же нынче ни хрена не проживешь! И потом: человеку продолжать жить надо, когда человек на пенсию отправляется, он же все равно что-то продолжает делать — для дома, для семьи, для себя там что-то... Он же не корова: вот, насыпали мне «пенсии», стою — жую! Зарабатывание на пропитание, однако, тем плох, что зарабатывать ты начинаешь совсем не там, что мог бы делать хорошо...

— Кстати, а всегда ли герои Баталова занимались в своей жизни тем, что хотели бы делать и что делали бы хорошо?

— Да, безусловно! Гоша... Там драматургически даже именно так вопрос поставлен! А Устименко! Он вообще «идейный врач» — поехал в провинцию, сам себе лишения создавал... Да вся жизнь его — целеустремленный, выстраданный, разумный выбор им самим собственной, так сказать, жизненной стези!

— А кого-то из своих героев вы в нынешней мафи-ржете видите?

— Вряд ли... Устименко? Даже смешно предположить! Саша Румянцев? Да он и по фильму весь из себя такой правдолюб! А правдолюбие вообще-то занятие невыгодное! Нет, он, скорее, будет стоять сегодня где-нибудь с плакатом: «Отдайте нам — наше!» Вот если Протасов из «Живого трупа»... Хотя он как тогда не принимал свой мир, так и этот не принял бы, у него же философия божья: я никому не мешаю, пусть и меня никто не трогает...

— Можно быть, Гоша, которым вы с Меньшовым обманули толпы одиноких советских женщин?

— Знаешь, я прекрасно понимал, что весь этот Гоша нужен был Меньшову с Черныковым только для того, чтобы хоть как-то завершить двухсерийные страдания несчастной женщины... Другое дело, что день на третий он вполне может ударить ее бутылкой по голове... А почему нет?! Он же от первой жены ушел, а эта — тоже «на-

1998 год. Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

есть самое важное — как для ощущения себя просто человеком, так и мужиком соответственно. Подковывая лошадь лучше всех, и люди придут именно к тебе! Потому что ты — мужик, лучше всех делающий свое дело. Так ведь... А бетонца за высокими постами, за продолжением по лестнице, которой ты и не знаешь вовсе... По-моему, это уже конец и вслэжским «мужским» начинаниям, и человеческим ощущениям вообще!

— Исходя из сказанного, не свалил ли за бурю на «десять» день своей реальной (не экранной) нынешней судьбы ваш физик Гусев?

— Нет, тут уж другой счет! Ведь у тех, кто «свалил» — а среди них много и друзей моих, и просто людей хороших! — совсем иной счет. Речь о деле собственной жизни. Есть наша реальность, при которой я смогу сделать здесь все, что оправдано мою жизни! Эконом человек здесь выяснит, куда деваются все-таки с орбиты дядя электронка гелия?... Вот тут и возникает речь о том, что все, чем человек сорок лет перед этим занимался, здесь никому ни хрена не нужно...

географии, ни от политического или экономического благосостояния общества: это все — человеческие изобретения и безобразия, а талант от Бога. И раздает Бог его независимо от столицы или провинции, то есть независимо от каких-то дурацких условий и условностей!

Так вот, если за Россию принять Москву, то по численности съехавшихся сюда отовсюду людей нынче мегаполис этот, равный двум европейским государствам, — просто столица криминального мира. И большое отличие от Москвы, которую описал Пушкин — «второй столицей» при Петербурге. Нынче это большая гастроляная площадка для приезжих, на которой кому-то может и повезти. Но это страшно сильное место, на котором тяжело пробиться, тем более — удержаться. Впрочем, может, в этом тоже есть какой-то смысл...

У нас очень любят говорить: «Вот в цивилизованных странах!» — общее изречение, которое якобы что-то значит. А там можно найти все безобразия, что и у нас, — постепенно мы вообще становимся «гражданами мира». И не потому, что случилась Перестройка: то же происходит и во Франции, и в Америке — они теряют свои национальные черты. Раньше люди жили в городе или в селе — на каком-то «континенте»; скоро мы, а уж тем более наши дети будут жить просто на земле...

А что касается гибели культуры, то это чепуха! Поскольку человек живет очень коротко, то ему всегда кажется, что именно с него все началось, именно при нем все и закончится... Возрождаться по-настоящему Россия будет людьми и талантами, которые живут везде. Но поскольку все-таки провинция больше, чем Москва, то и окажется, что возрождает Россию именно приезжие или не живущие в столице люди — вовсе не по тем, конечно, причинам, о которых нам толкуют! Родается, например, где-нибудь между Москвой и Ленинградом — в районе Вологодского, скажем, — мальчик, блестящий пианист, который становится всемирным гастролером. Или кто-то из живописцев, которые нынче на Западе признаны, — они тоже не москвички.

— А у ваших ребят в мастерской есть «комплекс провинциала»? Ведь им нужно себя в столице утвердить, доказать.

— Мне кажется, такой комплекс у них больше в жизни личной: говор, уклад жизни, который их сформировал, — все это чрезвычайно важно, но до сцены. На сцене-то все равно видно, как ты играешь, откуда бы ты ни приехал... Сцена, кстати, очень сильное средство реабилитации, очень сильное!

Я в основном работал во ВГИКе с ребятами приезжими, республиканскими кадрами, как их в свое время называли: замечательная была киргизская мастерская, с украинскими ребятами, из Белоруссии... Разница, конечно, есть: даже в быту ребята из провинции менее устроены, они в общезнании живут. Но мне уже по этой причине кажется, что они дорожат заплатили за свое обучение. Шел человек издалека и больше энергии затратил! Вот заходит, скажем, на экзамен москвич: «Дай-ка я им чего-нибудь почитаю, может, и меня возьмут!» «Как фанера, пролетая над Парижем», —

этому было постоянное желание доказать, что я и сам, несмотря на многочисленных столично-академических своих ровесников, чего-то стою.

Во время работы над дипломным спектаклем по рассказам Чехова бывал я, например, у Ольги Леонардовны Книппер, влюбленного писателя. Отыграли мы спектакль, следом за ней вышли в вестибюль, а она меня от усталости поминала, улыбаюсь лукаво: «Ну, артист, теперь уж ты забудешь меня... Давай диплом тебе подпишу». Я растерялся, отнекиваться начал: неудобно, мол, получается, что выставляюсь, — пусть уж будет все, как полагается... Она пристально на меня посмотрела, и, по мере того как я говорил, веселое выражение ее лица менялось задумчивой грустью: «Неси, дурак, потом поймешь!» Так что, хоть я и не обольщала никогда судьбой актера, аллюдисментами, никогда и не сомневался — ни в том, что буду актером, ни в том, что буду работать во МХАТе. Конечно, вариации в специализации могли случиться — я даже готовился на всякий случай к другому, но поступил все-таки на актерское отделение. И хотя потом меня кино оторвало от прямого контакта со сценой, своих ребят во ВГИКе я все равно всегда ориентирую на работу в театре...

— На сценической площадке и на сцене вы лет с пятнадцатью?

— Кино у меня вообще могло начаться лет в тринадцать: меня просто родители не пустили сниматься в фильм «Тимур и его команда». Зато попозже, когда режиссер Арнштам снимал картину о Зое Космодемьянской, весь наш класс забрали ее одноклассников изображать. Чтобы какую-то фразу произнести, он меня выбрал: руки мои окаменели, голос провалился куда-то, выражение на лице было — я это прекрасно чувствовал! — абсолютно идиотским! Может, я потому после «Зои» для кино много лет не годился...

А на сцену я в самом деле лет в пятнадцать вышел: мы с мамой — я и братья мои, Миша и Боря Ардovy: мне четырнадцать, а они, четырехлетний и двухлетний, скармливали по эвакуации в теплушках — искили, где хлеб подешевле, картошка: Бугульма, Свердловск, Чистополь, Казань... Там мама, актриса Нина Антоновна Ольшевская, в театрах малосельских работала, в которых и я начал декорации таскать; потом мне доверили «Кушать подано». Но дело не в этом; главным, конечно, в этих тыловых городах были госпитали, в столовых и фойе которых перед тремя-четырьмя койками актеры что-то читали, пели... И вот стоишь перед этими койками, чего-то рассказываешь, а на тебя из бинтов с обгоревшим сморчит глаз... Или два... Смотрят на этих молодых ребят, у которых рук-ног не было, глаз, половины лица... и для меня это становилось совершенно конкретным оптимизмом: вот кто тебя защитит, чтобы ты сейчас ты перед ним стоял невредимым. Не кто-то там, а вот они где-то встали, чтобы ты мог жить!

— Однажды Алексей Владимирович Баталов категорически заявил: «Все равно я останусь «мальчиком с войной»!

— А куда от этого денешься! Ведь если день моего рождения я ощущаю, как «у меня день рождения», то День Победы у всех, абсолютно у всех — был самым счастливым днем — днем всех рождений. И он был не только самым счастливым днем моей жизни, но абсолютно личным моим праздником: отец, дядя, брат двоюродный, отчим... — все были на войне. Ничего более чистого, искреннего, ничего лучшего у меня в жизни уже не было. Потому у меня с фильмом «Летят журавли», со сценой победы и возвращения фронтови-

ков, связаны какие-то очень важные ощущения, надежды. Получив в этом фильме роль... да какая там «роль!» Это же история про живых, близких мне людей! И очень радостно, что из множества картин о войне люди сердцем выбрали именно «Журавлей» — вот уже сорок лет они остаются живой картиной! Война-то не нынешний базар. Это куда тяжелей...

— Ваш отец Владимир писался в титрах фильмов, как Аталов, хотя дядя — Николай — всегда «Баталов»; вы интересовались, откуда такая разница? Да и вообще ваша фамилия...

— Думаю, от «ботало» — вешали такое приспосабливание коровам на шею... Правда, дядя уверял, что мы пошли от «Баталлини» — был такой причислывальщик при дворе Екатерины Второй... Но во МХАТе и не такое придумывалось... Так что, за что купил, за то и продал. Знаю, правда, что есть целая деревня Баталовых... А по поводу Аталова вот что скажу: ехидный Станиславский запретил актерам-родственникам иметь одну и ту же фамилию, поэтому и была Андоровская, хотя и была она женой Николая Баталова. Папа же, пока жив был дядя, назывался Аталов...

— Анна Ахматова уверяла, что всех великих мужчин сделали женщины. Кто сделал вас?

— Семья. И женщины, конечно. В том числе и Анна Андреевна, которая появилась в нашем доме на Ордынке, когда мне было лет семь. Я это хорошо помню, потому что была у меня в то время тяжелая скарлатина, потом сердце болело и

все такое... Но появилась тетя из Ленинграда, и меня, больного, на другой диван переложили, а тетя с челкой на мой диван прилегла. И всегда, когда приезжала из Ленинграда, на моем диване лежала; я ее потом стал считать своей бабушкой... Со своей родной бабушкой, родоначальницей клана современных Баталовых, Александрой Ивановой, я только на Пасху и на Рождество виделся — она на Земляном валу жила, и к ней с Ордынки идти надо было...

(Отступление. В воспоминаниях Михаила Ардова описывается, как, приехав однажды в дом на Ордынку и в очередной раз не застав дома «самого положительного героя советского кино», Ахматову невероятно «возмутилась»: «Как и все женщины

«Дамы с собачкой» (1960). Анна Сергеевна (Ия Саввина) и Гуров (Алексей Баталов).

Советского Союза, я хочу видеть артиста Алексея Баталова».)

...Ахматова, хоть и сама всегда нуждалась, дала мне денег, чтобы я после армии с головы до ног оделся: у меня же ничего, кроме военной формы, не было. А я взял и купил подержанный «Москвич» — первый в своей жизни!

— У вас какие-то армейские воспоминания и впечатления остались?

— Впечатления такие: два года пребывания в команде ЦПСА мотался я по гарнизонам, от Мурманска до Дальнего Востока, — это была театральная «команда обслуживания». И репертуар у меня был соответствующий: я же из мхатовской школы «выпускался как актер характерный — смешной, попросту говоря. А в «героя современности» меня кино перелодало! Ведь мои первые кинороли — Журбин и Саша Румянцев — вовсе не мое амплу по школе: на Лешку Журбина в «Большую семью» человек двенадцать провальное. А Хейфиц семью подбирал, чтоб мальчик с голубыми глазами был, как у Бориса Андреева, чтоб и хурносным чучоткой был, где-то и на дела, Сергея Лукьянова, был похож... Они в том фильме главные роли играли, киты были в то время! А кто меня тогда знал! Да и вообще «мой образ», «моя тема» — актерские байки. Не позволял тебе на роль «героя современности», так и сиди лома, хрен ты его сыграешь... А Хейфиц из мальчишка запаса МХАТа сделал актера кино, к которому и приклеили образ «положительного героя современности»... Так что все претензии по поводу «классика современности» — к Иосифу Ефимовичу!

— ...и по поводу настоящего мужчины?

— Я — мужчина не настоящий, это я только играл роль настоящего мужчины.

— А можно под занавес интимный вопрос?

— Давай!

— Ваши актеры считают вас как идеал актера, как кумира?

— Понимаешь, у нас с ребятами очень близкие отношения, но думаю, все-таки они слишком молодые, чтобы считать меня в своих кумирах, — у них героями другие должны быть. А влюбляются ли они в меня как в педагога... Ну-у, об этом надо их самих спросить.

— Что помогает вам оставаться самим собой, быть с собой в ладу?

— Любимое дело. И собственная совесть.

Р.С. Героем фильма о Москве, которая «слезам не верит», является не Катерина, а «всенародный слесарь» Гоша. Сценарист картины, Валентин Черных, однажды выразился открыто: «Сегодня я отчетливо понимаю, что вторую линию фильма держит на себе именно Баталов!»

Конечно же, Баталов — классик! Не «современный классик», как определяли в годы оных мастодотов соцреализма, а классик современности. Да, он народный артист СССР, профес-

В 1952 году Алексей Баталов написал портрет младшего брата Михаила.

сор и Герой Соцтруда, лауреат и прочая. Да просто он Баталов, который почти за полвека снялся более чем в трех десятках фильмов, как режиссер «Шинель» поставил, «Игрока», «Трех толстяков»... Плюс актерская во ВГИКе... И, конечно, плюс федерация актеров во ВГИКе... В котором звучит неповторимый голос юбиляра.

Хозяева «легендарной Ордынки» — Нина Ольшевская и Виктор Ардов.

чальница... Он пристает в электричке к одинокой женщине, пьет виски, дерется...

— То есть только эти самые одинокие женщины не рассмотрели его как следует? А как сегодня, по мнению Алексея Владимировича Баталова и отталкиваясь от его героев, остаться мужиком?

— Мне кажется — сколько это возможно конечно! — надо просто делать свое дело. Ведь если ты что-то делаешь лучше других, то это, по-моему, и

Или, к примеру, посчитайте репертуар Миши Барышникова: здесь светило ему столько-то партий, а дальше как ни прыгай — ничего! И весь разговор. Нет, вот ежели человек поехал стать просто богатым, то этого я не понимаю. Другое дело, когда вопрос стоит о смысле жизни.

— Считается, что Россия возродится провинцией...

— Думаю, талант рождается независимо ни от